

УДК 81' 1

ББК 81.0

Б 38

Беданоква З.К.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Адыгейского государственного университета, e-mail: bedan23@mail.ru

**Эвокативность как свойство и жанр
импликативной коммуникации
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматривается проблема имплицитного смысла как результата взаимодействия плана выражения и плана содержания языкового знака. Методологической базой послужило выявление механизма интерпретации «неявного» содержания, имеющего когнитивно-логическую и когнитивно-семиотическую природу, что носит универсальный, типологический характер. В результате выделены две стороны имплицитного содержания: формальная, названная в работе эвокативностью, и коммуникативная, воздействующая, называемая импликативной. Научная новизна основана на том, что под эвокативностью следует понимать свойство определенного типа дискурса, речи, которое базируется на интенциональном кодировании (импликации) и приводит к созданию особой языковой формы – *эвокативной*. Практическая значимость предполагает выявление корреляции эвокативности с такими языковыми / речевыми категориями, как имплицитность и косвенность. Эвокативность как функция формы, отсылая к имплицитному содержанию, рассматривается и как жанрообразующая категория.

Ключевые слова:

Эвокативность, имплицитность, непрямая коммуникация, тропы, риторика, стилистика, косвенный речевой акт, семантика, прагматика, жанрология, эвокативный жанр.

Bedanokova Z.K.

Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Language Department, Adyghe State University, e-mail: bedan23@mail.ru

Evocativeness as property and genre of implicative communication

Abstract:

The paper discusses the genesis of implicit sense as a result of the interaction between the expression plane and content plane of a language symbol. Methodological base is identification of the mechanism of interpretation of the «implicit» content having the cognitive - logical and cognitive - semiotic nature that is of universal, typological character. As a result, two sides of the implicit content are singled out: the formal, called in work as evocative form, and the communicative or affecting one, called as the implicative form. The author sheds a new light on evocativeness as a property of a certain type of a discourse or speech which is based on intentional coding (implication) and leads to creation of a special evocative form aimed at the evocation of implicit content in linguistic form. The practical importance assumes detection of correlation of evocativeness with such language / speech

categories as an implicitness and indirection. Also, evocativeness as function of a form, sending to the implicit content, is regarded as a genre-forming category.

Keywords:

Evocativeness, implicitness, indirect communication, trope, rhetoric, stylistics, indirect speech act, semantics, pragmatics, genre studies, evocative discursive genre.

Как известно, асимметрия языкового знака является причиной явления многозначности в языке и речи. В языке этот феномен существует прежде всего в виде лексической и синтаксической полисемии, основным свойством которой является способность к «снятию» в речи – в употреблении реализуется только одно из значений лексической единицы. Однако многозначность не всегда снимается контекстом. Более того, существуют употребления, которые способны у однозначных, казалось бы, форм порождать, «вызывать», или *эвоцировать* (от лат. *evocāre* – вызывать, возбуждать, извлекать) второе, иногда более релевантное значение. Проще было бы назвать данный феномен *двусмысленностью*, однако само это слово многозначно и полифункционально, употребляется и как обиходное, и как термин. В своих употреблениях оно означает результат коммуникации (ситуация, положение дел), констатирует и оценивает перлокутивный эффект высказывания, как правило, с негативной аксиологией в трех функциональных регистрах:

– **обиходном**: 1. ‘неловкость’, ‘ложность’: *Меня эта ложь, эта двусмысленность раздражали, и я искал гармонию и счастье не в семье, а на улице, во дворе, в школе и, наконец, в увлечении театром и кино* (Владлен Давыдов); 2. ‘неожиданный смысл’: *Мужа бывшего на рога поставили (хмыкнул от невольно получившейся двусмысленности)* (Семен Данилюк);

– **квазитерминологическом**: *У нас в русском языке существует какая-то двусмысленность со словом «нет»* (Василий Аксенов);

– **терминологическом (риторико-стилистическом)**:

Весьма близким по семантической

структуре приёму остроумия «намёк» является, с нашей точки зрения, приём «двойное истолкование», или двусмысленность (М. В. Мусийчук) [1].

В большинстве случаев лексема *двусмысленность*, помимо такого оттенка значения, как ‘нежелательность’, несет ещё и сему ‘непреднамеренно, неинтенционально’. И только в последнем примере терминологического употребления речь идет о «приёме», об определенном запрограммированном эффекте. В риторике (стилистике) такой прием обозначается термином «амфиболия». Амфиболия проявляется как «злоупотребление полисемией» на разных языковых уровнях, например: полисемия лексемы *модель* (амфиболия при слове); *он же ребенок* (амфиболия при словосочетании); *чувство побеждает рассудок* (что побеждает что?), *страна не пережила революции* (в стране не было революции или страна погибла в результате революции?) (амфиболия при предложении) [2]. Приводя пример газетного заголовка *Моника Левински в интересном положении*, Е.В. Клюев пишет: «Понятное дело, читатель оказывается весьма заинтригованным: на это, как правило, и рассчитывает осуществляющий амфиболию. Из «тупика», в котором адресат находится некоторое время, он без участия говорящего выйти не может» [2: 122].

К амфиболии можно добавить и другие тропы и фигуры (антанакласис, зевгма, каламбур, тавтология, плеоназм), основанные на свойстве произведенных текстов (высказываний) стимулировать «поиски скрытых смыслов» и направленные на создание особой, маркированной языковой (речевой) формы. Такое свойство мы предлагаем обозначить термином «эвокативность» (языковой фор-

мы). Введение нового термина обусловлено тем, что понятие «эвокативность» нельзя рассматривать исключительно в дескриптивной, стилистической (риторической) парадигме. Эвокативность значительно шире «двусмысленности» как риторического приема остроумия («экви-вокации» – см., напр., [3]). Необходимо привлечение когнитивно-семиотического функционального метода, позволяющего вскрыть внутренние и внешние условия формирования и функционирования категории эвокативности.

Под эвокативностью нами понимается способность языковой формы вызывать особого рода интерпретацию, основанную на операции когнитивного блендинга (контаминации смыслов), в процессе которого создается семиотически сложный план содержания.

Эвокация – это динамика семиозиса, результат асимметрии плана выражения и плана содержания, это – актуализированная интерпретанта, которая обычно содержится в семиозисе латентно («свойство знака») до тех пор, пока интерпретация (понимание) происходит автоматически, опираясь на конвенциональность знака. Нарушение конвенциональности приводит в действие механизм эвокации. Причем эвокативность как связь между планом выражения и планом содержания имеет три вектора направленности: реактивную («ревокация»), проективную («про-вокация») и интерактивную («экви-вокация») (ср. [4]). Таким образом, многозначность эвокативной формы предполагает полимодальность плана выражения, его интертекстуальность (прецедентность смысла) и подразумевание (импликацию), провоцирующее интерпретацию реципиента.

Уже в приведенных выше примерах Е.В. Клюева можно увидеть как минимум две подфункции, составляющие экспрессивно-людическую (риторическую) функцию эвокативных высказываний – аттракцию (привлечение внимания, интрига) и гелотогенность, «смехотворче-

ство» (в смысле ‘порождение смеха’). Однако двусмысленность не всегда интенциональна (производится намеренно). Существуют многочисленные примеры необходимости в интерпретации неявной семантики, не связанные с экспрессивно-эстетической и людической функциями коммуникации. Таковы, например, узуальные косвенные речевые акты или другого рода имплицитно содержащаяся в высказывании (интерпретируемая) информация.

Не только в речи, но и в системе языка существуют «скрытые категории» (С.Д. Кацнельсон), отражающие этнокультурную языковую картину мира и языковое сознание, его «акцентуацию». В функциональном плане презумптивность как способность к подразумеванию и интерпретации является имманентным свойством языкового знака и функцией языка [5]. Сам механизм интерпретации «неявного» содержания имеет когнитивно-логическую и когнитивно-семиотическую природу и носит универсальный, типологический характер.

Особенность эвокативности в том, что она не принадлежит системе языка, а обладает статусом предсистемности (речевой дискурсивности) так же, как окказиональное (первичное) употребление языковой формы предшествует становлению языковой единицы в системе. Поэтому под эвокативностью следует понимать свойство *ad hoc* определенного типа дискурса, речи (стиля или жанра - см. ниже), которое базируется на интенциональном кодировании (импликации) и приводит к созданию особой языковой формы – эвокативной. Механизм создания окказиональных эвокативных языковых форм основывается на более фундаментальных, прототипических категориях языка и речи. В этом ракурсе необходимо прояснить корреляцию эвокативности с такими языковыми/речевыми категориями, как имплицитность и косвенность.

В книге В.В. Дементьева, посвященной непрямой коммуникации [6], прове-

ден анализ категории непрямо́й коммуникации (далее — НК) в сопоставлении с категорией имплицитности (имплицитной коммуникации — ИК). Непрямо́й коммуникацией автор называет «содержательно осложненную коммуникацию, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата». Автор приводит несколько формально-функциональных различий непрямо́й и имплицитной коммуникаций:

1) ИК касается формы (как правило, эллипсис); НК «представляет собой содержательно осложненную речь»;

2) НК, как правило, маркирована; ИК не содержит специальных маркеров, анализирующих о необходимости расширенной интерпретации и ее направлений»;

3) интерпретация ИК связана с конвенциональностью формы («совокупность формально-технических условий»); интерпретация НК скорее ситуативна — на первый план выдвигается «сам акт выражения» [6: 49].

Отмеченные В.В. Дементьевым отличия ИК и НК касаются, на наш взгляд, степени конвенциональности неявных смыслов. На самом деле речь идет о степени «проявленности» имплицитности (презумптивности знака), заложенной в сообщении, о большей или меньшей степени её манифестации. Таким образом, принципиального различия (оппозиции) между ИК и НК нет, а есть лишь степень проявления имплицитности, о чем говорит сам В.В. Дементьев, называя это «степенями непрямо́й коммуникации».

На наш взгляд, все три категории — имплицитность, непрямо́й коммуникация и эвокативность — связаны с необходимостью особой интерпретации, под которой мы понимаем **процесс вторичного семиогенеза** (создания производного знака над исходным).

Тогда имплицитность необходимо трактовать как имманентное свойство

знака, как потенциальное содержание, формально не выраженное, которое всегда сопровождает план выражения. Различие между имплицитностью и косвенностью, на наш взгляд, — это различие между планом содержания и планом употребления (функционирования). Оно лежит в области интенциональности, когда онтологическое свойство языкового знака — имплицитность — намеренно (интенционально) используется в процессе коммуникации (передаче смысла). Непрямо́й (косвенной) коммуникацией — это намеренное использование особой (имплицитной) формы плана содержания с целью непрямо́й передачи смысла и/или непрямо́го воздействия на адресата. Можно условно провести аналогию между тремя аспектами языкового знака (по Ч. Морриссу) и рассматриваемыми категориями: семантика ведаёт имплицитностью как формой плана содержания знака, прагматика ведаёт косвенной коммуникацией как использованием этого свойства и синтактика ведаёт эвокативностью формы, которая обеспечивает основание как для семантической, так и для прагматической интерпретации эвокативного знака.

Эвокативность языковой формы также основана на имплицитности как имманентном свойстве знака. Эвокативность также есть особая форма воздействия на адресата, но она в большей степени связана не с формой плана содержания, а с формой плана выражения. Особая форма выражения обращает на себя внимание и инициирует (провоцирует) ментальные операции семиогенеза, к которым вынужден прибегать говорящий в поисках восстановления соответствия между формой плана выражения и субстанцией плана содержания. Эвокативность есть практически непременное условие НК, так как форма плана выражения является маркером, дающим повод и направление интерпретации.

Эвокативность есть свойство и форма конкретного дискурса, построенного определенным образом на основе имплицитности.

цитности как имманентной составляющей семантики знака с целью непрямого (аттрактивного, людического, гелотогенного) воздействия на адресата. Таким образом, нарочитое изменение формы языкового выражения (троп, фигура) является катализатором процессов интерпретативного семиогенеза (создание нового знака с новым смыслом). Акт такой интерпретации зависит от языковой и речевой компетенции коммуникантов, их установки на «косвенность» коммуникации. Помимо косвенных речевых актов, к эвокативным актам можно отнести все вышеупомянутые тропы, основанные на многозначности – зевгму, амфиболию, каламбур, тавтологию, плеоназм. Столкновение двух (и более) смыслов основано на алогизме формы (языковая аномалия) и алогизме содержания (парадокс). На основе эвокативности формируются такие речевые и художественные жанры, как анекдот, басня, загадка, шутка, каламбур, афоризм, рекламный слоган, эпитафия, заголовок и т.д.

Различные эвокативные жанры основываются на различных доминирующих когнитивных семиогенетических операциях (типах контаминации смыслов), таких как операция конкретизации сигнификата в афоризме (концепт → понятийный признак – «Предать значит предвидеть»), операция конкретизации денотата в загадке (сигнификат → денотат – «Крыльев не имеет, а летает?»), операция контаминации смыслов в басне (денотат ↔ сигнификат – фабула и мораль), анекдота (операция импликации сходства (метафора) и/или контраста (ирония, парадокс, нонсенс) и т.д.). Жанровый статус эвокативных языковых форм различен. Метафора, парадокс, ирония имеют статус жанровой доминанты (приёма), отличный от анекдота, басни или рекламы, выступающих как речевой, функционально-дискурсивный жанр. Причем, эвокативность может иметь различный объем плана выражения: ассонанс, многозначное слово, лексическая контаминация, дис-

курсивная контаминация (литературный подтекст) и мн. др.:

(1) *Чирукик дощенным шагом* (Д. Хармс);

(2) *Всё будет Coca-Cola* (Компания Coca-Cola);

(3) *Хит его знает!* (реклама радиостанции Hit-FM);

(4) *кармеладка, музыкойф* (см. [7]);

(5) *Штирлиц выстрелил в Мюллера. Пуля отскочила. “Бронебой” – подумал Штирлиц* (анекдот);

(6) *...Обессилевшие аисты роняют детей в капусту, где их собирают и сдают в магазин...* (Владимир Рыльский);

(7) *Чем богаче мысль, тем больше желающих обобрать её до нитки* (Аврелий Марков).

Эвокативность связана как с формой плана выражения (1-6), так и с формой плана содержания (7). Так, если в (6) эвокативный эффект возникает из-за соединения (контаминации) форм прецедентных текстов со статусом «общих мест» (детей – приносит аист; находят в капусте; покупают в магазине), то в (7) мы наблюдаем контаминацию смыслов, построенную на ревокации (восстановлении) полисемии слова *богатая* и переразложении идиомы *богатая мысль* (*богатая – обобрать* = заимствовать, присвоить, украсть). Эвокативность очень часто опирается на прецедентность и может требовать общих знаний адресата и адресанта:

(8) *Давно я не лежал в Колонном Зале* (В. Вишневский).

Эвокативность формы плана содержания (6-8) связана с инференцией (исчислением смысла) без видимой опоры на план выражения, однако, чаще всего, именно нарушение привычной дистрибуции единиц плана выражения, отсутствие семантического согласования между языковыми формами является эвокативным стимулом – посылом к исчислению смысла, который может закончиться обнаружением его отсутствия, парадоксом, нонсенсом, абсурдом, лежащим в основе коми-

ческого [8]:

(9) *Лежу на страже ваших интересов* (В. Вишневский);

(10) *Ах, как внезапно кончился диван* (В. Вишневский);

(11) *Горе кругом, а ты разговариваешь* (А. Платонов).

Эвокативность, как было отмечено, выполняет различные функции (аттракция, экспрессивность, суггестия, смехотворчество и др.) и в разных проявлениях становится основой для того или иного дискурсивно-художественного жанра. Как правило, эвокативный жанр выступает в виде короткой языковой формы (фонемо- / букво- / слово- сочетания) или однофразового текста [9]. Это объясняется тем, что в основе создания эвокативной формы лежит эвокативный речевой акт, который можно обозначить как квазиметаязыковой, так как иллюкутивная цель его – создание особой формы плана выражения, контактирующей с особой (эвокативной) формой плана содержания, а его перлокутивным эффектом становятся все вышеперечисленные функции. Однако совокупность эвокативных актов может составлять текстовую и жанрообразующую категорию в развернутом дискурсивном пространстве:

(12) *В разговорную речь верхнесреднесибирский почти не проник. Единственное исключение — название их страны. Они называют ее Уркаинским Уркаганатом, или Уркаиной, а себя — урками (кажется, это им в спешке переделали из “укров”, хоть есть и другие филологические гипотезы). В бытовой речи слово “урк” непопулярно — оно относится к высокому пафосному стилю и считается старомодно-казенным. Но именно от него и произошло церковноанглийское *Orkland* и *orks** (В. Пелевин).

Таким образом, на наш взгляд, есть все основания выделить наряду с имплицитностью, косвенностью и другими смежными категориями в принципе отличающуюся от них отдельную категорию эвокативности, находящуюся с ними в отношениях включения или пересечения [10]. Определение категориального статуса и исследование когнитивно-семиотических и функциональных свойств эвокативности в различных её жанровых манифестациях представляет собой нетривиальную перспективу исследования как в общетеоретическом плане, так и в преломлении, в частности, к дискурсивным жанрам русского языка.

Примечания:

1. Национальный корпус русского языка. URL: <http://search-beta.ruscorpora.ru/search> (дата обращения 07.06.2015).
2. Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): учеб. пособие для вузов. М.: ПРИОР, 2001
3. Иванов В.М. Явление эквивокации в дискурсе анекдота в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1999.
4. Делез Ж. Логика смысла: *Theatrum philosophicum*. Екатеринбург: Деловая книга, 1998.
5. Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца 20 века / V. Dem'jankov, 2003. URL: <http://www.infolex.ru> (дата обращения 07.06.2015).
6. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и её жанры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000.
7. Беданоква З.К. Словообразовательная игра: к вопросу о функционально-стилевом статусе рекламы // Научная мысль Кавказа. 2010. № 3 (63). С. 177-183.
8. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистики. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 181-309.
9. Береговская Э.М. Стилистика однофразового текста: на материале русского, фран-

цузского, английского и немецкого языков. М.: ЛЕНАНД, 2015.

10. Беданоква З.К. Феномен эвокативности: в поисках определения // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп: Изд-во АГУ, 2015. Вып. 3 (164). С. 39-48.

References:

1. Russian National Corpus. URL: <http://search-beta.ruscorpora.ru/search> (date of access 06.07.2015).
2. Klyuyev E.V. Rhetoric (Invention. Disposition. Eloquence): a manual for higher schools. М.: PRIOR, 2001.
3. Ivanov V.M. The phenomenon of equivocation in the discourse of an anecdote in the modern German language: Diss. for the Cand. of Philology degree. Irkutsk, 1999.
4. Deleuze G. The logic of sense: *Theatrum philosophicum*. Yekaterinburg: Delovaya kniga, 1998.
5. Demyankov V.Z. Functionalism in foreign linguistics of the end of the 20th century / V. Demyankov, 2003. URL: <http://www.infolex.ru> (date of access 06.07.2015).
6. Demyantsev V.V. Indirect communication and its genres. Saratov: Publishing house of Saratov University, 2000.
7. Bedanokova Z.K. A word-formation game: on the problem of the functional and stylistic status of advertising // *Scientific Thought of the Caucasus*. 2010. No. 3 (63). P. 177-183.
8. Minsky M. Jokes and the logic of the cognitive unconscious // *New in foreign linguistics*. М.: Progress, 1988. Issue 23. P. 181-309.
9. Beregovskaya E.M. Stylistics of one-phrase text: based on the Russian, French, English and German languages. М.: ЛЕНАНД, 2015.
10. Bedanokova Z.K. Phenomenon of evocativeness: in search of definition // *Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts*. Maikop: ASU publishing house, 2015. Issue 3 (164). P. 39-48.